

Светлана Савранская
Университет Джорджа Вашингтона

Перестройка как гуманистический проект

Крупные политические деятели очень редко могут оглянуться на те реформы, которые они проводили 30 лет назад, и критически, без самовосхваления проанализировать реализованные изменения. Нам повезло, что специально для журнала «Демократизация» Михаил Сергеевич Горбачёв решил написать статью о перестройке сам — поразмышлять о ее достижениях и ошибках, а также о том, почему вопросы, связанные с перестройкой, продолжают оставаться актуальными и по сей день. Горбачёв пишет: «Я хочу, чтобы сохранялась связь времен, чтобы не прерывался диалог между прошлым и настоящим». Он не только анализирует прошлое, но и делает некоторые важные прогнозы на будущее.

Данная статья представляет собой наиболее обобщенный и краткий анализ детища Горбачёва — перестройки. Студентам, изучающим общественные науки и международные отношения, следовало бы рекомендовать прислушаться к словам этого 90-летнего реформатора и вновь окунуться в историю тех невероятных лет, когда в мире происходили те наиболее значительные вселяющие надежду мирные перемены. Мудрые слова Горбачёва обращены к тем людям, которые разделяют те идеалы, в которые он до сих пор верит: в мире не должно быть ядерного оружия; разногласия должны решаться путем переговоров; государства должны проявлять сдержанность и учитывать интересы друг друга, а международные отношения должны основываться на общепринятых нормах и общечеловеческих ценностях. Что касается внутренней политики, то здесь в основе взглядов Горбачёва лежат плюралистическая демократия и ненасильственные принципы ведения политики. Он подвергает переоценке три основных направления своей деятельности в те годы — экономику,

внутреннюю политику и международные отношения — и указывает на упущенные возможности и моменты, когда он бы мог поступить иначе.

Наиболее авторитетные исследования советских реформ, опубликованные на протяжении последние 30 лет за авторством Арчи Брауна, Уильяма Таубмана, Роберта Инглиша и Джека Мэтлока¹, а также рассекреченные в России и США документальные данные по большей части подтверждают позицию Горбачёва и его критику «ошибок и упущений» перестройки. Его интерпретация событий кажется правдоподобной и тем, кто жил в период описанных им статье событий. В самый разгар перестройки я была студенткой Московского государственного университета, а затем аспиранткой ИМЭМО РАН. Дискуссии и события тех лет сформировали меня как личность и определили мой выбор карьеры. 1989 год стал годом чудес — я проголосовала на первых свободных выборах и на моих глазах завершалась холодная война. Перестройка подарила мне свободу.

Горбачёв уверен, что перестройка и его взгляды на нее всё еще актуальны, причем не только для России, но и для мира в целом. Он описывает перестройку как «гуманистический проект», созданный во имя людей в тот момент, когда народ понял, что «так дальше жить нельзя». Горбачёв отмечает, что перемен требовали и руководители, и рядовые граждане. Можно сказать, что в 1985 году абсолютно все, независимо от своих политических взглядов, возлагали свои надежды на молодого и энергичного Генерального секретаря, которого в целом считали открытым, прямым и честным человеком и ставленником самого Юрия Андропова.

Многие российские критики деятельности Горбачёва обвиняют его в отсутствии четкого плана преобразований. Политик этого и не отрицает, открыто признавая, что было бы странно иметь четкий план предстоящих

¹ Браун А. «Фактор Горбачёва». Оксфорд, 1996; Таубман У. «Горбачёв. Его жизнь и время». Нью-Йорк, 2017; Инглиш Р. «Россия и идея Запада». Нью-Йорк, 2000; Мэтлок Д. «Смерть Империи: Взгляд американского посла на распад Советского Союза». Нью-Йорк, 1995.

реформ с самого начала и предвидеть масштаб изменений, учитывая, что страна на тот момент находилась в глубоком кризисе после десятилетия застоя. Конечно, Горбачёв не хотел развала Советского Союза. Наоборот — он хотел сделать СССР более сильным и конкурентоспособным игроком на международной арене. Искренне веря в социализм, он не стремился реформировать политическую систему государства, а хотел лишь навести порядок во власти и вернуть страну к первоначальным идеалам.

Если Горбачёв хотел именно этого, то можно ли считать, что он не состоялся как лидер государства? В своей книге «Фактор Горбачёва» британский политолог Арчи Браун утверждает, что было бы неправильно судить об успехе Горбачёва, оценивая то, насколько его действия и результаты этих действий в период 1989-90 гг. соответствуют целям, которые он ставил в 1985 году. За это время его взгляды и задачи значительно изменились: он осознал необходимость проведения справедливых демократических выборов на альтернативной основе, перехода к рыночной экономике и создания новой формы государственного устройства — конфедерации. Добровольного объединения вместо централизованного однопартийного государства². Перестройка Горбачёва была подлинной революцией, несмотря на то, что она осуществлялась поэтапно и, в отличие от большинства революций, ненасильственным путем. Вспоминая трагические события в Грузии (1989) и Литве (1991), Горбачёв настаивает, что никогда не отдавал приказ о применении силы против митингующих, хотя критики и обвиняют его в этом. И всё же с критикой насилия он в 1991 году выступил слишком поздно.

Горбачёв считает, что истоки нового мышления можно найти в идеях передовых мыслителей и движений двадцатого века: от идей Альберта Эйнштейна до концепции, разработанной комиссией Улофа Пальме. Однако в то же время он совершенно ясно даёт понять, что реформы в Советском Союзе проводились не в ответ на внешнее давление и растущие военные

² Браун А. «Фактор Горбачёва». С. 306-307.

расходы США при президенте Рейгане, а как реакция на нечто, назревающее внутри советского общества, на то, о чем говорили важнейшие представители его элиты. В стране, задыхающейся от устаревшей идеологии, первым шагом к преобразованиям стала гласность. Горбачёв не пошел по пути авторитарной экономической системы Китая, посчитав, что благодаря политике гласности люди получают свободу и проявят свой творческий потенциал, а это, в свою очередь, поспособствует экономическим реформам. По его мнению, ключом к осуществлению реформ была партия, но вместе с тем, реформы должна была поддержать еще и советская интеллигенция. На ранних этапах перестройки так и было, но уже с 1987 года, когда пристальное внимание стало уделяться политическим реформам, партия стала помехой на пути к дальнейшей демократизации.

Горбачёв в определенной степени критикует интеллигенцию, на которую он изначально возлагал большие надежды. Прослеживается его горькое разочарование в прославленной «мыслящей элите» СССР, которая, находясь под впечатлением от гласности и творческой свободы, не осознала в полной мере ответственность, предоставленную такой свободой, и использовала ее лишь для критических высказываний. Горбачёв говорит, что либеральная интеллигенция требовала быстрого прогресса, будучи неспособной «заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере». По иронии судьбы, к 1990 году стремление либеральной интеллигенции к более радикальным реформам привело к тому, что радикалы практически «смыкались по деструктивности с реакционной, консервативной оппозицией». И в результате «дезинтеграционные процессы опережали формирование новых институтов власти и управления». Горбачёв считает, что если бы реформы проводились постепенно, то болезненных потрясений, с которыми страна столкнулась в девяностых годах, удалось бы избежать.

Что же можно было сделать иначе в экономике? Горбачёв предельно откровенно признает ошибки, которые совершил в этой сфере. Сейчас он уверен, что провести реформу ценообразования и разрешить массовый ввоз

потребительских товаров следовало еще в 1987 году. Однако подобная реформа могла бы привести к затовариванию рынка. К тому же в 1987 году в правительстве СССР не было ни одного квалифицированного экономиста, на практике знакомого с функционированием рыночных механизмов, и ни одного органа, который мог бы контролировать увеличение объема сделок. Закон «О кооперации в СССР» стал важным шагом на пути перехода к рыночной экономике, но прочие нововведения, например государственный контроль качества (госприемка) или закон «О правах трудовых коллективов» оказались неэффективными. Еще одной явной ошибкой было то, что Горбачёв оставил Николая Рыжкова на посту Председателя Совета Министров, от чего его неоднократно предостерегали многие, в том числе и его ближайшие советники — Анатолий Черняев и Евгений Примаков³.

К величайшим достижениям перестройки стоит отнести проведение в марте 1989 года первых свободных выборов, которые, пожалуй, до сих пор считаются самыми честными и прозрачными выборами в России за всю ее историю. Как ни парадоксально, но доля членов КПСС среди избранных составила 85% — гораздо больше, чем в предыдущих составах Верховного Совета. Однако КПСС в то время уже представляла из себя крайне плодородную политическую почву, из которой были готовы появиться различные политические объединения. Еще в конце 1985 года Александр Яковлев предлагал Горбачёву разделить партию, чтобы способствовать постепенному переходу к системе многопартийности. Сейчас Горбачёв жалеет о том, что в апреле 1991 года не ушел в отставку с поста Генерального Секретаря, хотя вполне возможно, это уже ничего бы не изменило.

Касательно сферы международных отношений, не будет преувеличением сказать, что перестройка изменила мир и избавила его — по крайней мере, временно — от бремени гонки вооружений. Горбачёв больше

³ Анатолий Сергеевич Черняев, 1990 год. Запись в дневнике от 25 августа. Рукопись была подарена передана Архиву национальной безопасности Университета Джорджа Вашингтона, Вашингтон, округ Колумбия.

всего преуспел во внешней политике: вместе со своими американскими коллегами он завершил холодную войну, предоставил полную независимость странам Восточной Европы, вывел советские войска из Афганистана, дал возможность Германии вновь стать единым государством и подписал с США беспрецедентные договоры о контроле над ядерными вооружениями. Однако именно в сфере международных отношений у Горбачёва было больше всего упущенных возможностей, о которых он сожалеет и по сей день.

На встрече в Рейкьявике Горбачёв и Рейган почти договорились о подписании соглашения о полном отказе от ядерного вооружения, но американский президент не пожелал отказаться от программы Стратегической оборонной инициативы. Начиная с этого момента, Горбачёв постоянно предлагал все более и более радикальные инициативы по контролю над вооружениями — в том числе и план по ликвидации тактического ядерного оружия в Европе. В 1987 году Горбачёв и Рейган подписали беспрецедентный Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Однако им не удалось выполнить принятых на себя по договору СНВ-1 обязательств о 50% сокращении вооружений. В июле 1991 года Буш наконец приехал в Москву для подписания договора СНВ-1, но, вспоминая события тех лет, Горбачёв, вскользь намекая на «паузу» 1989 года, говорит, что «результаты, которыми был отмечен этот визит, могли бы быть достигнуты и раньше». Другие его идеи, например совместная работа над проблемами по разрешению региональных конфликтов, по борьбе со всемирным экологическим кризисом, по созданию единой Европы и новой всеобъемлющей системы безопасности, реализоваться не успели.

Горбачёв в данной статье критикует своих коллег очень аккуратно. Он отмечает совместные успехи и не винит их за упущенные возможности, хотя и не говорит, что именно было упущено. Возможно, самой важной упущенной возможностью, способной оказать существенное влияние на судьбу нового Союзного договора, который Горбачёв пытался создать, была недостаточная поддержка его экономических реформ со стороны стран

Запада на саммите Большой семерки в июле 1991 года. Горбачёв описывает свою кропотливую подготовку, желание провести следующий этап реформ и готовность к этому, а также острую потребность в кредитах и членстве в западных финансовых организациях. Однако с саммита в Лондоне он вернулся с пустыми руками. Хотя Горбачёв и не говорит напрямую, что Советский Союз имел право на финансовую помощь со стороны Запада, он ясно выражает свое недовольство емкой фразой: «...на самом остром, переломном этапе реформ мы вправе рассчитывать на встречные шаги со стороны наших партнёров». Возможно, августовский путч 1991 года бы и не произошел, если бы Запад тогда оказал Советскому Союзу необходимую поддержку.

Самую же жесткую критику Горбачёв обрушивает на своих внутренних оппонентов, которые пытались отстранить его от власти в ходе августовского путча, подорвавшего успех только что заключенного нового Союзного договора. Путч был разгромлен за три дня, но популистские лидеры России, Украины и Белоруссии продолжили развал Союза, руководствуясь прежде всего стремлением «убрать Горбачёва». Они устроили сговор, чтобы прийти к власти, избавившись от верхушки, и тем самым положили конец мечте Горбачёва о добровольном демократическом союзе, которую поддержал всенародный референдум в апреле 1991 года.

Был ли Горбачёв мечтателем? Да, но он был ещё и практичным политиком, использовавшим полномочия, данные ему властью, и недюжинный дар убеждения для воплощения своих мечтаний в реальность. Многие из них он осуществил, сделав и страну, и мир в целом лучше и безопаснее, а также подготовив почву для объединения Европы. Общеввропейский дом, который он так хотел увидеть, был построен уже после окончания холодной войны, но, как выразился Черняев, квартиры для новой России в этом доме не нашлось. Биограф Горбачёва, Уильям Таубман,

называет его «провидцем» и «трагическим героем», чьи идеи, вероятно, опережали те «заготовки», с которыми ему приходилось работать⁴.

В своей статье Горбачёв резко отзывается о лидерах, по окончании холодной войны поддавшихся высокомерию и начавших высказывать триумфаторские лозунги. Горбачёв называет триумфаторство «аморальным» и считает заявления США о «победе в холодной войне» корнем ошибок и провалов, которые «подорвали фундамент новой мировой политики» и предопределили последующий ход мировых событий. Горбачёв надеется на то, что в отношениях между государствами будут соблюдаться правила поведения, основанные на «принципах общечеловеческой морали», и принцип отказа от милитаризма. В этом заключается его совет потомкам. Анализ периода перестройки и принципов «нового мышления» вполне может вдохновить новых лидеров мировых держав на заявление о том, что «ядерную войну невозможно выиграть и никогда не стоит начинать». И это станет первым шагом к лучшему миру.

⁴ Таубман У. «Горбачёв. Его жизнь и время». С. 693.